

Холтон Дж. Что такое «антинаука»?⁹

Почему феномен антинауки должен вызывать у нас тревогу

Чтобы читатель мог составить себе представление, о чем идет речь, я из всей обширной литературы на эту тему сошлюсь лишь на самую последнюю публикацию – доклад советника президента США по науке Д.А. Бромлея, представленный в Конгресс и озаглавленный: «На пороге 2000 года: мировое первенство». В нем отмечается, что научная грамотность американского общества находится на следующем уровне: половина опрошенного взрослого населения не знает, что Земля обращается вокруг Солнца за 1 год. По результатам других исследований, например, И. Миллера «Уровень общественного понимания науки и технологии в США» (1990), стало известно, что менее 7% взрослых американцев обладают некоторым эталонным уровнем научной грамотности в широком смысле этого понятия; только 13% обладают, по крайней мере, минимальным уровнем понимания смысла и целей научного познания; зато целых 40% не согласны с утверждением, что астрология – это вообще не наука. В своем исследовании И. Миллер, в частности, отмечает: *«Профессия учителя переживает кризис... В настоящее время на одного новичка, посвятившего себя преподаванию математики или естествознания, приходится 13 учителей по этим дисциплинам, навсегда покидающих свою профессию»*. Процент же учителей, прошедших за время обучения в университете стандартный минимум по курсам наук, распределился следующим образом: по биологии – 21%, по химии – 31%, по физике – 12%. Для почти 30% всех высших школ США типичной является ситуация, когда курс физики вообще не включен в учебную программу. Только 20% всех выпускников университетов США прошли какой-либо курс физики. *«Согласно последним сравнительным оценкам состояния мировой науки, учитывающим положение в 12 странах, наши студенты оказались на 9-м месте по физике, 11-м – по химии и последнем – по биологии... В области математики наши 13% специализирующихся в ней студентов уступают другим странам, где специализируются не менее 25%»*. Приведенные результаты свидетельствуют, что со времени публикации в 1983 г. важного правительственного доклада «Нация в опасности: императив реформы образования» не произошло каких-то решающих перемен.

В том, что лишь столь незначительная доля населения США, всего 7% взрослых, может быть признана научно грамотной, и это в наши дни, когда поражающие воображение достижения науки и техники как никогда ранее наглядны и красноречивы, – можно усмотреть не только своего рода иронию истории, но и серьезную проблему, требующую внимательного изучения. К чисто теоретическому значению этой проблемы добавляется и политический аспект: при демократическом устройстве общества все граждане, как бы малограмотны и невежественны они ни были, имеют законное право на участие в принятии решений, существенное место в которых в современных условиях принадлежит научно-технической стороне дела. В этом обстоятельстве кроется возможность крупных политических ошибок и дестабилизации общества. Как я постараюсь показать дальше, история уже неоднократно доказывала, что невнимание к роли и значению науки, недоучет или прямое игнорирование научного миропонимания могут повлечь за собой самые опасные последствия, открыть дорогу самым зловещим общественным силам.

Но и противоположное положение дел, – когда народ «безмолвствует», пребывает в апатии и пассивности, – не добавляет обществу безопасности и стабильности. Надо со всей ясностью осознать: нравится кому-то современная наука или не нравится, но без постоянной поддержки государством и общественными институтами научных исследований и разработок, без участия интеллектуалов-экспертов в принятии политических решений человечество никогда лучше жить не станет. Никакого нежно-томного полинезийского рая или патриархального аграрного эдема

⁹ Фрагменты статьи, опубликованной в журнале «Вопросы философии», №2, 26–58, 1992. Перевод с англ. А.Б. Толстова.

нам не видать, зато чудовищные катастрофы отнюдь не исключены. Мы должны помнить, что глобальная ситуация на нашей планете далека от равновесия, а наличный уровень наших знаний и способ практического вмешательства в природу, судя по всему, далеко не достаточны, чтобы обеспечить человечеству надежное будущее.

Таковы, вкратце, те мысли, на которые наводит тема антинауки и которые беспокоят сегодня многих западных интеллектуалов академических профессий.

Сами по себе все эти астрологи, спириты и тому подобные мелкие паразиты на духовном теле современной культуры могут вызвать разве что холодное недоумение или снисходительную усмешку, нежели рассматриваться как серьезное общечеловеческое явление. Это так, но всё же мы должны уметь видеть за всем многообразием данного феномена, – который неразрывно связан, помимо всего прочего, еще и с исторической, географической и т.п. безграмотностью, о чем здесь лучше вообще не вспоминать, – нечто такое, что способно внушить нешуточную тревогу, а именно, некий фатальный провал, обморок самосознания современного человечества. Еще в начале нашего столетия О. Шпенглер внушал ошарашенной публике, что идеи новейшей науки, самый тип ее сознания пропитаны смертельным ядом распада, неотвратимо ведут к закату западной цивилизации. В качестве причины он ссылался на некую «метафизическую усталость» Запада. Другой влиятельный мыслитель, М. Вебер, сравнил метод естествознания с процессом стягивания с мира покровов тайны и очарования, что, по его словам, ведет к утрате чувства *«всякого смысла, выходящего за грань чисто практического или технического интереса, о чем с такой силой сказал в своем творчестве Лев Толстой»*. Как могло случиться, что к исходу XX столетия недопонимание подлинного значения науки, – которое само по себе столь обыкновенно и всеобщее, – стало причиной и симптомом культурного упадка?

Было бы грубым упрощением думать, что всё дело сводится к сложностям социального развития, хотя и этот фактор не стоит упускать из виду при всестороннем анализе. Ссылка на «усталость» цивилизации имеет под собой определенные исторические основания. Глубокий анализ этой концепции, аналогичных процессов в древней истории содержится в последней главе («Страх свободы») книги Е.Р. Доддса «Греки и иррациональное». Расцвет древнегреческого Просвещения в VI в. до н.э., последовавший за гомеровской эпохой, характеризуется этим автором как *«прогрессивный переход греков от мифологического к рациональному мышлению»*. К концу периода правления Перикла маятник качнулся в обратную сторону, и преподавать астрономию или высказываться в скептическом духе по поводу сверхъестественного стало в греческом полисе небезопасно. Всевозможные культы, астрологические пророчества, магическое врачевание и тому подобные практики стали симптомом наступившего длительного периода реакции и упадка, который Доддс назвал «возвратом к Иррациональному». Встает вопрос: не вступаем ли и мы, как когда-то древние греки, в заключительную фазу второго великого эксперимента с рационализмом, отсчет которого начался с Научной революции и века Просвещения? Нельзя ли усмотреть в современной культурной ситуации некие параллели с процессами, приведшими античность к краю пропасти, – а именно с таким, например, обстоятельством: *«После того как греческие интеллектуалы стали всё глубже погружаться в свой внутренний мир (начиная со времени позднего Платона), общественное сознание оказалось покинуто своими прежде строгими пастырями на произвол судьбы, без защиты, без руководства; лишенный требовательных наставников обыватель, надо думать, не без чувства облегчения вернулся к радостям и удобствам допотопного миропонимания»*.

К концу V в. до н.э. «крепнущему рационализму интеллектуалов противостояли симптомы регресса общественного сознания», «рецидивы так и не изжитых верований»: и разрыв между ними расширился, приближаясь к черте, за которой должно было последовать «полное отчуждение» Лишенные интеллектуального водительства и опеки в период «сумерек кумиров», массы стали легкой добычей воспрянувшей астрологии и подобных ей вещей. Во многом это произошло из-за политических причин и условий: этот период пришелся на тревожные десятилетия, предшествующие завоеванию Греции Римом, когда жизненно важно было прогнозировать ближайшие события. До этого на протяжении целого столетия свободный грек вполне комфортно чувствовал себя в условиях интеллектуальной свободы. Но вот всё переменялось, всё предстало в совсем иной, пугающей перспективе: уж лучше строгая предопределенность астрологической Судьбы, чем это гнетуще-тягостное ежедневное бремя выбора и ответственности, чем эта свобода, которая не несет ни ясности, ни надежности.

Как не услышать за этой «логикой» грозного голоса Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского? Позволю себе цитату из этой книги: *«Никакая наука не даст*

им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою судьбу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас»... Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет.»

Можно, наверное, несколько ослабить тягостное впечатление от этой мрачной картины, указав, например, на такую немаловажную вещь, как практически всеобщий энтузиазм и очарованность достижениями высоких технологий в развитых странах в наши дни. Обнадёживают и такие факты: хотя меньше половины взрослого населения США убеждены в эволюционном происхождении человека из органического мира, хотя каждого второго взрослого ставит в тупик задача определить одну сторону квадрата при известной другой его стороне, – всё же американское общество в своем большинстве при ответах в различных социологических опросах выражают значительно большую уверенность в потенциальной возможности науки и техники творить добро, чем выражают ее в ходе аналогичных опросов жители других индустриальных стран, таких, в частности, как Франция и Япония. Интересно, что на сохранении довольно высокого уровня интереса и уважения к науке со стороны общественного (далеко не всегда компетентного) мнения не сказывается непосредственно весьма противоречивое отношение простых людей к самим ученым. А ведь оно не столь уж благожелательно. В Америке конца XX века отнюдь не наука, а религия, как и во времена пилигримов XVII века, остается, судя по всему, наиболее влиятельной силой как в частной, так и в общенациональной жизни. Положение в точности таково, как его описал еще Токвилль в 1830-х гг. Около одной трети взрослого населения (из которого большая часть принадлежит к евангелическим сектам) подтверждает, что верит в воскрешение; более половины – верят в возможность повседневных чудес благодаря молитве; 60% – заявляют, что верят в буквальное существование Ада для проклятых. Финансовые дотации, выделенные в 1990 году на поддержку религиозных организаций, составили круглую сумму в 54 млрд. долларов.

Во всех этих фактах я вижу проявление полного отсутствия в общественном сознании чувствительности к противоречиям, – и это при том, что современное, основанное на науке, мировоззрение в основной своей части возникло именно как реакция на подобные противоречия; впрочем, оно до сих пор еще не в состоянии навести мосты над пропастью между двумя непреложными императивами – знанием и верой. Но, несмотря на это, подавляющее большинство простых американцев вообще не испытывает никакого внутреннего разлада или неудобства от конфликта между этими разнородными силами.

Аналогичным образом, хотя в США широко распространены взгляды, обычно признаваемые за антинаучные (например, вера в НЛО), всё же есть веские основания считать, что и они не суть что-то монолитное и однородное. Точнее было бы рассматривать их как комплексы, где слитно сосуществуют потенциально противоположные идеи и формы сознания. А это, как мы увидим ниже, открывает возможность поиска путей направленного влияния на сознание людей и изменения их взглядов. Подобно тому как различные тектонические пласты Земли дрейфуют в противоположных направлениях, вызывая время от времени стихийные катастрофы, так и разнородные элементы, образующие структуру мировосприятия обыкновенного человека нашего времени, далеко не образуют единого гармонического целого. Как понимал уже Великий Инквизитор Достоевского, либеральное, взлелеянное эпохой Просвещения сознание заблуждается, считая, что уже может праздновать победу. Ведь и в самом деле, «пронаучная» картина мира конца XX в. представляет взгляды и позицию зыбкого, уязвимого, отнюдь не могущественного общественного меньшинства. Ситуация усугубляется еще и тем, что ученые и другие интеллектуалы не образуют сплоченной социальной группы; они не смогли выработать достаточно эффективных социальных институтов или каких-то иных организационных форм, чтобы обсуждать и регулировать разногласия и конфликты даже в собственной среде, не говоря уже о дискуссиях с другими слоями общества – например, о границах и возможностях науки, ее отношениях с другими формами духовной и культурной жизни общества. Непростые взаимоотношения по линии «наука–технология–общество» даже внутри большинства ведущих университетов – лишь одно из подтверждений этого печального диагноза, недостатка внимания к сложившемуся положению.

На пути к выводам

Среди примеров, которые помогли бы прояснить основные идеи нашего анализа, особенно показательны следующие два. Первый – это движение «машинборцев» (луддитов), возникшее в Англии в 1811–1816 гг. Вначале оно было вызвано сугубо экономическими причинами – потерей работы и обнищанием рабочих, но в конечном счете вылилось в волну насилия и разрушения, направленных против вообще любых технических символов и принадлежностей давящей человека бесстрастно-непоколебимой фабричной системы. Я напоминаю об этих событиях, поскольку они явно аналогичны по своей сущности событиям, происходившим в Европе в 20–30-х гг. нашего века. На заре нацистского движения в Германии появляются, как пишет Ф. Штерн, «луддиты от культуры», которые в своем ослеплении ненавистью к модернизму готовы были вдребезги разнести всю «машинерию» современной культуры.

В этом последнем случае отчуждение и разлад с индустриальной цивилизацией сливаются с полным неприятием общей программы модернизма и растущей мощи либерализма и секуляризма. Злой дух разрушения не обошел и науку. Один из наиболее читаемых в 1920-х гг. германских идеологов Ю. Лангбен, ставивший креационизм над наукой, потратил немало слов, проклиная Науку за ее скрупулезную основательность и детальную специализацию. Ф. Штерн пишет: *«Ненависть к науке затмевает всё в писаниях и мыслях Лангбена. По Лангбену, наука – это корень зла, имя которому: позитивизм, рационализм, эмпиризм, механицизм, материализм, технология, скептицизм, догматизм, узкая специализация...»*. Так что, это отнюдь не случайность, что наука в Германии была не в чести уже задолго до захвата нацистами государственной власти. Некоторые немецкие ученые уже тогда требовали признания верховенства «арийской» науки, которая должна основываться на интуиции, на понятии «эфира» (как субстанции духа), на экспериментальных наблюдениях в противовес формализмам и абстракциям и – главное дело – делаться «германской расой».

Дорвавшись до власти, нацисты недвусмысленно стали на сторону всех видов паранауки: тут и астрология, и гиммлеровская «теория мирового льда», и «учение о расовой чистоте», которые, таким образом, превратились в официально признанные и финансируемые государством профессии. Готовность, с которой огромное число врачей, юристов, ученых и других академических специалистов дали себя втянуть во все эти безобразия и бесчинства, была обусловлена осознанной лишь «постфактум» моральной неустойчивостью так называемых интеллектуалов, проявленной ими в условиях общекультурной катастрофы, когда политики и жрецы паранауки, наоборот, легко нашли друг друга и объединились. Как справедливо показал в своей глубокой книге «Социальная роль науки» Дж. Бернал, возникновение нацизма было предуготовлено подъемом иррационализма, который, среди прочего, подпитывался расцветом паранауки в Германии того периода.

Оглядываясь на эти исторические события, мы должны извлечь из них два важных урока. Первый: хотя так называемая «альтернативная» (а точнее, пара-) наука сама по себе может быть вполне безобидной и невинной, но это только до тех пор, пока она остается вне политических процессов. Будучи задействована в политической игре, она превращается в мину замедленного действия, ждущую своего часа. Не так давно мы в США стали свидетелями реальной опасности такого рода. Она отражена, помимо других документов, в только что изданной Американской академией наук и искусств работе Дж. Мура «Креационистский Космос протестантского фундаментализма». В ней дается развернутая характеристика антиэволюционистского движения в США, переживающего в последние годы заметный подъем и консолидацию с политической властью. Хотя сопротивление преподаванию в школе эволюционного учения имеет в Америке давние традиции, Мур обращает наше внимание на то, что *«фундаменталисты сегодня насчитывают в своих рядах до четверти всего населения США, и это при быстром росте числа вновь обращенных. Эти люди верят, что они живут во Вселенной, которая была чудесным образом сотворена из ничего за 6 дней всего лишь несколько тысяч лет назад, и что Земля населена только теми животными и растениями, которые пережили всемирный потоп...»*

Креационистская космология снискала протестантскому фундаментализму авторитет и влияние, которые он оспаривал у фундаментальной науки».

Заметим себе, это новейшее достижение контрмировоззрения далеко уже не похоже на дела старомодного теологического антисциентизма, известного нам по прошлому веку. Нет, это уже новое поколение, новый тип, среди представителей которого сплошь и рядом встречаются специалисты с научным и техническим образованием, с учеными степенями, многие – сотруд-

ники исследовательских институтов. Мотивы, движущие этими людьми, сводятся, надо полагать, к внутренней потребности или склонности буквально уверовать в то, о чем повествует Библия. Свою роль сыграла и общая психологическая напряженность, царившая и нагнетавшаяся в годы холодной войны, когда глобальное противостояние ставило на карту ни больше ни меньше как материализацию апокалипсических пророчеств и видений. Надо сказать, протестантское креационистское движение недурно финансируется и умело организовано, ведет активную издательскую деятельность, включающую собственные журналы, книжные издательства, учебные заведения, радио- и телепрограммы, даже кинематограф. И сверх всего – отлаженная тесная связь с наиболее консервативными политическими и церковными кругами. Главная цель их активности – влияние на молодые умы. Средство – пропаганда так называемого «научного креационизма», внедрение его в школьные программы, для чего на местные органы образования оказывается настойчивое давление. «Научный креационизм» призван, по мысли его адептов, противостоять эволюционизму, который протестанты воспринимают как сатанинскую проповедь, как антихристианское извращение. Больше того, есть признаки, заставляющие подозревать, что, как прежде с Дарвином, протестантский фундаментализм собирается «разобраться» и с Коперником, провозгласить «крестовый поход за геоцентризм».

Пристального внимания заслуживает и тот факт, что к креационистской идеологии примкнула плеяда амбициозных политиков-евангелистов, таких как Дж. Фэлвелл, П. Робертсон, Дж. Бэйкер, Д.Дж. Кеннеди и др. *«Властители дум верующей Америки уже давно стали влиятельными и откровенными защитниками креационизма»*. В этом – составная часть общего наступления на «секулярный гуманизм», который они воспринимают как «сатанинскую идеологию». Как можно понять из публикаций креационистов, их устремления простираются дальше простой дискредитации современной научной биологии. Все их усилия сосредоточены на традиционной для религиозного фундаментализма задаче: подготовиться в земной жизни к переходу в мир иной. И трудясь не покладая рук на этом поприще, им на удивление редко приходится слышать протестующие критические голоса научного сообщества США. Зато они обрели могущественных союзников среди высокопоставленных государственных деятелей. Так в 1980-х гг. в качестве сочувствующего своему делу они справедливо числили самого Президента, который засвидетельствовал свою приверженность мировоззрению, где вольготно было не только для астрологии, но и для веры в НЛЮ, божественного промысла и даже для таких построений фундаментализма, которые заняты ожиданием неизбежного и неотвратимого конца света. Хотя американский народ пока еще продолжает жить в условиях, во многом испытывающих на себе последствия идеологических пристрастий теперь уже бывшего Президента,¹⁰ всё же, по-видимому, надо считать, что нам здорово повезло – присущее ему поверхностное отношение ко многим важным вопросам проявилось и здесь, в области альтернативных антинаучных воззрений и их религиозно-политических импликаций. Нетрудно себе представить, что могло бы случиться, если бы Президент такой страны, как США, был бы одержим всеми этими сюжетами. Впрочем, не будем зарекаться, всякое может случиться в будущем – в зависимости от того, как сложатся дела в Америке или другой стране, где существует аналогичная тенденция в раскладе общественных сил.

Эссе Дж. Мура заканчивается на зловещей ноте: *«Нынешний фундаментализм и основополагающие принципы либерального, эволюционистского просвещения еще когда-нибудь столкнутся в ходе бескомпромиссной «культур-кампф», и нельзя исключить, что это будет отчаянная и ожесточенная схватка за утверждение своей правоты, своего понимания политического порядка в обществе»*.

Другой урок, вытекающий из наших исторических ретроспекций, по сути, очень прост. История свидетельствует о неоднократном повторении одной весьма красноречивой асимметрии: зачинатели машинных бунтов, луддиты XIX в. в итоге были очень скоро и жестоко подавлены и подверглись суровой расправе. Зато луддиты от культуры нередко, во всяком случае на какое-то время, одерживали победу и праздновали свой триумф, – даже если это слишком дорого обошлось цивилизации и их собственной стране. Разумеется, всегда находились интеллектуалы, пытавшиеся бороться против мракобесов и встававшие на их пути, – но всегда или это было слишком поздно, или их было слишком мало, или слаба была поддержка общественного мнения, а их собственных сил и стойкости не доставало, чтобы одолеть противника.

¹⁰ Имеется в виду Р. Рейган. – *Примечание редколлегии.*

Как мы могли убедиться, исторический опыт подтверждает, что мезальянс политической власти и активной, наступательно настроенной антинауки – это тревожный симптом общественного нездоровья, опасный вызов, который бросают культуре мракобесы. В нынешних условиях такой вызов, может быть, и не представляет непосредственной угрозы модернистской картине мира как таковой. Однако потенциально такая опасность существует, и от нее ни в коем случае нельзя отмахиваться как от простой погрешности в системе образования или досадного недоразумения. Наоборот, вся история человечества от античной Греции до фашистской Германии учит нас, что силы, стремящиеся низложить науку, подорвать веру в нее общества, всегда найдутся, что они всегда наготове заключить союз с другими темными силами и попытаться совлечь цивилизацию с магистрального пути развития. Для этого они не брезгают никакими средствами, в ход идет безудержная демагогия и популизм, игра на традиционных народных предрассудках и подстрекательство к насилию, прямая ложь и мистификации, идеологические провокации под лозунгами типа «Кровь и Земля», развязывающие самые нездоровые, слепые националистические инстинкты, вражду и нетерпимость.

Короче, не будет преувеличением сказать, что подключение антинауки к политической механике, вовлеченность ее в авантюры и амбиции политиков способствуют пробуждению зверских начал, до поры дремлющих в глубинах человеческой природы. Пробуждения этих начал, не раз уже происходившие в последние века и почти наверняка ожидающие нас и впредь, уже продемонстрировали свою чудовищную разрушительную и злобную силу. Тем, кто хотел бы чему-то научиться у истории, можно дать один добрый совет: ни в коем случае не доверять всем этим «альтернативным», «контр-» и т.п. мировоззрениям, искоренять их в себе всеми средствами. И пусть нас не обманывает то, что в наши дни всё это бытует, как правило, в добродушной и ненавязчивой форме, за которой не так легко рассмотреть злокачественную, разрушительную суть. В этом я вижу наш общий долг – и перед собственными убеждениями, и перед более серьезной борьбой, вероятно, ожидающей нас в будущем.